

Чем жарче разгорался ажиотаж вокруг Гу Тина, тем глубже погружалась в забвение Сюй Инлань. Снести такое унижение было выше её сил. Слезы хлынули ручьём, и она, закрыв лицо руками, бросилась прочь.

Гу Цинчан стоял с потемневшим лицом, внутренне костеря её за беспомощность. Оставаться дальше не имело смысла, и он, раздражённо взмахнув рукавом, удалился.

На этом представление завершилось, и зрители разошлись, вполне удовлетворённые. Попрощавшись с Гу Тинем поклонами и жестами, люди потянулись по домам — сменить чай и продолжить обсуждение, пересказывая случившееся тем, кого не было.

Гу Тин:...

У Фэн подошёл: «Господин?»

Гу Тин посмотрел на нефритовую подвеску в руке: «Ладно, возвращаемся».

Вместе с верным слугой и круглолицым юношей он молча вернулся домой, но на душе у него оставалась тревога. Побеждает тот, кто знает и себя, и противника. Чтобы быть готовым ко всему, независимо от того, задумала ли Сюй Инлань новый ход, ему следовало подготовиться.

«Разузнай о ней», — распорядился он У Фэну.

У Фэн кивнул и протянул руку.

Гу Тин: «Что?»

«Серебро, — вздохнул У Фэн. — Без него ничего не сделаешь».

Гу Тин помедлил, достал из-за пазухи две ассигнации, подумал, одну убрал обратно, а вторую протянул У Фэну: «Хозяин твой небогат, так что экономь».

У Фэн:...

В резиденции князя — Стража Севера Хо Юэ, завидев брата, широко раскрыла глаза, и в них на миг вспыхнули любопытство и живость, свойственные её возрасту: «Брат, а ты правда с тем господином Гу...»

Хо Янь потрепал сестру по голове: «Мал ещё тебе такие вещи понимать. Ступай лучше вышивай».

Хо Юэ надула щёки: «Не люблю я вышивать».

Хо Янь на мгновение задумался: «Тогда порисуй?»

В глазах Хо Юэ блеснула искорка: «Ты помнишь?»

Хо Янь: «Иди, нарисуй что-нибудь, потом покажешь».

«Хорошо!» — девочка удалилась со сладкой улыбкой.

Проводив сестру, Хо Янь встретился с Вэй Ле, который осторожно осведомился: «А насчёт бабушки?»

Хо Янь направился вперёд: «Сейчас как раз иду».

Вэй Ле: «А внешние дела...»

Хо Янь слегка сузил глаза: «Если он начнёт копать — дай ему информацию».

Малыш тот умён, непременно начнёт действовать тайком, и тогда кое-что обнаружит. Дело касалось границы, и он не хотел впутывать в него посторонних, но раз уж малыш сам лезет в гущу событий... пусть поможет, коли так.

Вспомнив, что Вэй Ле, кажется, что-то недоговаривал, Хо Янь спросил: «Что-то ещё?»

«Есть один человек...» — Вэй Ле огляделся и, пригнувшись к уху Хо Яня, прошептал имя. «...Уже почти у городских стен».

Лицо Хо Яня слегка изменилось: «Ничего. Пусть является. Любимый младший братец его здесь, так что скандалить он не посмеет».

Войдя в главный зал и заведев бабушку, Хо Янь уже собрался объяснить произошедшее, но та остановила его жестом.

«Не спрашивай. Ответ — нет».

Хо Янь:...

«Внук вовсе не...»

Госпожа Линь поставила чашку с выражением крайней серьёзности на лице: «Кого бы ты ни возжелал, кого бы ни выбрал — ты спросил её мнение? Хочет ли она быть с тобой? Не думай, что, коль ты князь, с властью и богатством, можешь своевольничать, и всякая согласится связать с тобой жизнь».

Хо Янь сохранял непроницаемое выражение лица: «Внук и не помышлял о таком».

«Неужели?» — госпожа Линь пронзительно взглянула на внука. «Подумай хорошенько, прежде чем отвечать».

На сбор сведений требовалось время, и, обременённый мыслями, Гу Тин спал беспокойно. Проснувшись глубокой ночью, он увидел в окне серп луны.

Раз уж сон бежал от него, он поднялся и вышел на галерею полюбоваться луной.

Ночь в Цзююане была студёной, особенно под утро. Даже привыкший к северным холодам Гу Тин едва выносил этот пронизывающий, прямой, как удар клинка, холод, от которого дёргались мышцы. Северный ветер, бушевавший весь день, теперь стих, и воцарилась гробовая тишина. Небо — высокое, звёзды — яркие, серп луны — белый, словно весь мир раскинулся вширь и высь, даря свободу.

Ночь была холодной, но откровенно-преlestной в своей прямоте.

Выйдя на галерею, он заметил в тени сливовых ветвей чью-то фигуру. Присмотревшись, узнал Мэн Чжэня.

Под ажурной тенью ветвей круглолицый юноша сидел на корточках, обхватив колени, в пухлой

ручонке — веточка сливы. Выглядел он одиноко и несчастно, будто... плакал? Плакал беззвучно, не смея и виду показать при свете дня, тайком прикорнув в тёмном безлюдном уголке. И в такой холод — не боялся заболеть!

А днём, уплетая его стряпню, какой храбрецом был!

Гу Тин вдруг вспомнил события дня. Круглолицый малец с виду казался мелким и робким, но, если его разозлить, — страшен в гневе. Стоило лишь задеть тему «брата», как он вскакивал, готовый гнаться за обидчиком через весь город. Но сегодня днём его ярость, казалось, перехлёстывала через край: он набросился не только на Гу Цинчана, но и на Сюй Инлань. А отбушевав, на обратном пути вдруг оробел, пугливо озираясь и цепляясь за полу его одежды, — выглядел жалче всех, словно это его, а не кого-то другого, сегодня обидели.

Гу Тин не стал шуметь, а повернул в соседнюю чайную комнату, раздул огонь в очаге, вскипятил воду и заварил чай.

Когда он вернулся на галерею, Мэн Чжэнь уже стоял и больше не плакал.

«Выпей», — протянул он чашку.

Мэн Чжэнь вздрогнул, торопливо вытер лицо рукавом, потом сообразил, что слёз уже нет, и взял чашку, удерживая её обеими руками. Ночь была морозной, и чай за время пути уже не обжигал, а лишь приятно согревал ладони. Сделав пару глотков, Мэн Чжэнь почувствовал, как тепло разливается внутри, успокаивая душу.

Но Гу Тин заметил лишь, как от пара влажными стали глаза круглолицего юноши, отчего тот выглядел ещё беспомощнее: «...В чём же дело?»

Мэн Чжэнь так вздрогнул, что чуть не уронил чашку, и растянул губы в неуверенной улыбке: «Да ни-ни в чём».

Гу Тин: «Не нужно улыбаться, если не хочется».

Мэн Чжэнь обиженно поджал губы.

Гу Тин: «Чай допей».

«Ладно».

Мэн Чжэнь, держа чашку пухлыми ладонями, принялся пить маленькими глотками, словно бурундучок, — очень послушный и мягкий. При лунном свете он казался таким, что рука сама тянулась его погладить.

Гу Тин мысленно вздохнул: «Брат твой до сих пор не приехал за тобой — может, он и не знает, что ты здесь?»

Бурундучок съёжился: «Откуда... откуда ты знаешь?»

Гу Тин сохранял серьёзное выражение: «Ты из дома сбежал?»

Бурундучок мгновенно сник, втянул голову в плечи и промолчал.

Гу Тин забрал у него пустую чашку: «Если брат к тебе хорошо относится — не заставляй его волноваться».

Оставшись без чашки, Мэн Чжэнь перебирал пальцы, тоскливо глянул на Гу Тина и показался ещё жалче.

«Пойдём, в комнату».

Гу Тин привёл Мэн Чжэня в маленькую чайную. Разожжённые угли наполняли тесное помещение теплом, а в окне висел тот самый лунный серп.

Как ни крути, сегодня днём Мэн Чжэнь слишком уж вжился в роль, эмоции его были слишком яркими, словно он пропускал всё через собственный опыт... Взгляд Гу Тина внезапно остановился на нём, и он спросил: «Твой брат... собирается сосвататься?»

Не завёлась ли рядом с ним какая-нибудь своя Сюй Инлань?

Он старался задать вопрос как можно мягче, но Мэн Чжэнь не выдержал — вдруг присел на корточки и разревелся навзрыд.

Гу Тин:...

Так вот из-за чего он упрямится и сбежал из дома?

Гу Тин принялся похлопывать Мэн Чжэня по спине, протянув ему платок: «Как бы то ни было, сбежать из дома — неверно».

«У-у-у, я не сбежал! Брат со мной поссорился, и... и не поверил мне! Я тогда разозлился и хотел сбежать, чтоб его напугать, но я не сбежал, честно!» — Мэн Чжэнь ухватился за полу одежды Гу Тина, глаза его наполнились слезами, и выглядел он до крайности жалко. — «Я всего лишь немного отошёл — обычно я и гуляю дальше! Но в этот раз меня схватили... Один из моих охранников оказался предателем, помог другим убить меня, я еле-еле вырвался... а потом... потом уже не смог вернуться».

Гу Тин всё понял.

Не связываться с братом он решил по двум причинам. Первая — не смел, ведь мысль о побеге действительно была, и Мэн Чжэнь чувствовал себя виноватым. Вторая — не мог: предательство личного охранника — дело серьёзное, он знал все секретные способы связи. Если Мэн Чжэнь подаст сигнал, кто придёт первым — брат или враги, — ещё вопрос.

Гу Тин потрепал приятеля по голове: «Хочешь увидеть брата?»

Мэн Чжэнь кивнул, слегка покраснев: «...Хочу».

Гу Тин: «Тогда я тебе помогу».

Мэн Чжэнь уставился на него с надеждой.

Гу Тин:...

«Я приведу его сюда. Тихо, так что никто не узнает. Гарантирую, что с тобой ничего не случится, и он не рассердится».

Глаза Мэн Чжэня мгновенно загорелись: «Правда?»

Он поднял лицо, и большие глаза его светились ожиданием — мягкие, сладкие, словно

вмещавшие в себя всё самое прекрасное на свете.

<http://bllate.org/book/16279/1466007>